

[Л.1]

Стенограмма беседы со старшим научным работником Львовского отдела Института фольклора и этнографии при АН УССР тов. Скориком Михаилом Михайловичем.

Беседу проводил старший научный рабочий Комиссии по истории Отечественной войны в Украине при АН УССР т. Марковский М.Ю.

Стенографировала Вилькова Ж.Б.

г. Львов, 7.VI.1946 г.

Родился в 1895 году в с. Лука Дрогобычской области. Сын сельского учителя, Самборского уезда.

Гимназию закончил перед первой империалистической войной в 1914 г. Пережил приход русских войск 1914-1915 гг. Впоследствии был мобилизован в австрийские войска как пехотинец, а затем капрал.

Университетское образование получил в Вене в 1923-1924 годах, философский факультет, изучал историю и географию, и славянскую филологию.

В 1924 году начал служить учителем при украинской частной учительской семинарии в Самборе. Был ее директором, а затем, после переименования этой школы в гимназию, был также ее директором до 1939 года, до прихода советской власти.

Гимназию переименовали в среднюю школу, и я и дальше был ее директором.

Накануне весны 1939 г. заметно было сильное наступление польского фашизма на украинский народ, которое чувствовалось в культурной и в экономической области. Люди, которые умели думать, [Л.2] понимали, что только смена власти может спасти украинский народ от уничтожения.

В 1939 году началась немецко-польская война и немецкие войска заняли Самбор и находились здесь несколько недель, а потом весь Самбор заняла Красная армия. Широкие массы украинского населения благосклонно отнеслись к этому факту и началась новая жизнь.

В средней школе №1 работа наладилась, и школа стала одной из лучших самборских школ при благоприятной помощи городского отдела образования. В Самборе ученики и учителя начали жить новой жизнью. В школу пришло много учеников из восточных областей и чувствовалась разница между воспитанием учащихся из западных областей и восточных. Последние были более энергичные, политически развитые, умели хорошо высказываться на митингах. Характерно, что у них не наблюдалось склонности к подсказыванию и списыванию письменных упражнений у товарищей.

Будучи в Самборе с 1927 года я работал также научным сотрудником в местном Этнографическом музее, печатал некоторые свои научные труды по этнографии и поэтому руководитель отдела Института фольклора Академии Наук во Львове академик Колесса вызвал меня на работу в Академию наук во

Львов, куда я перешел 16 июня 1941 года. Так осуществились мои пожелания, я имел возможность работать только научно.

Но долго я не мог работать там, так как Германия начала наступление на Советский Союз и немецкие войска заняли Львов. Я пережил отступление Красной армии, которое состоялось в полном порядке. Почти все население г. Львова осталось на своих местах, так как об этом, то есть о том, чтобы выезжать, не было особых указаний и отход был относительно скорый.

[Л.3] Немецкие войска заняли Львов и сразу началось их господствование. Сначала военные немецкие власти с населением вели себя во Львове достаточно корректно, но, когда власть перешла группе гражданского правления, мы смогли увидеть все ужасы немецкой оккупации. Я сам с немцами почти не имел никаких дел, потому что жил в отдельном маленьком доме, но мог охарактеризовать их поведение на улицах города Львова.

В первую очередь началось преследование еврейского населения, что оказывало очень досадное впечатление. Немцы во Львове настраивали против себя польское и украинское население против себя. Но все же давали чувствовать, что они опаснее для себя считают украинское население, о чем порой сами говорили. Все-таки хотели присоединить себе украинское население.

Немцы, кроме народных школ и профессиональных школ, которые подготавливали бы в будущем профессиональных рабочих для них, открыли во Львове еще две украинские гимназии, доступ в которые был достаточно ограниченный.

Я начал работать учителем так называемой первой украинской гимназии во Львове. Работа была тяжелая, потому что не было ни учебников, ни программы, и наука шла тяжело. Гимназия подчинялась немецким инспекторам, но они действительно редко появлялись в школе. Ученики и родители не были удовлетворены этой школой, работа шла мертво, сухо, без жизни.

Молодежь чувствовала очень сильно поведение немцев. Немцы относились к населению сговорчиво: при каждой возможности били людей палками, по лицу. Это вызвало очень большую ненависть к ним, тем более, что при советской власти таких побоев люди на улице никогда не видели, а бойцы, войско и милиция вели себя на улицах очень тактично. Немецкие военные [Л.4] и полиция били детей и женщин, а также били гражданские мужчины и даже женщины.

Немцы очень хорошо заботились о том, чтобы себе иметь что-то хорошее поесть, а для местного населения определили действительно голодный паек, причем задерживали все привозы продовольствия из деревень.

Я сам очень сильно почувствовал со своими детьми эту тактику заморить голодом население, и целую зиму вместе с детьми просто голодал. Так что весной мне приходилось собирать лебеду и крапиву, которой кормил своих детей. Впоследствии питание относительно немного улучшилось, так как крестьяне научились окружными дорогами и различными подкупками добираться до самого Львова, так что можно было кое-что купить.

Вообще у немцев было большое взяточничество и мздоимство, чем спасалось местное население в различных ситуациях. Итак, присматриваясь к этой тактике немцев, я решил узнать их идеологию – Гитлера Майн Кампф (Моя борьба). Книги этой украинцам не продавали, и Розенберга «Миф XX-го века». Я ясно понял, к чему это все идет: до физического истребления украинского народа, а то и всего славянского мира.

Немецкая бута возрастала по мере передвижения немецких войск на восток, но начиная от Сталинграда и Москвы некоторые из них уже начали понимать, что их господству приближается конец. Немцы впоследствии стали даже уже не обращать внимания на то, что кто-то из местного населения шел в магазин, предназначенной только для немцев, или садился в трамвай с надписью «Нур фюр дойче».

Но как только отступление задерживалось, их поведение становилось опять таким же, как было до сих пор. Немцы хотели себя спасти и начали организовывать т.н. СС-дивизию Галиция. Но эта акция среди украинского населения не имела [Л.5] популярности. Во время организации дивизии я был на лечении в Моршине и имел возможность говорить с крестьянами, у которых покупал молоко. Крестьяне были очень печальные из-за этого и заявляли мне, что, мол, меня возьмут в армию, а мою жену и детей немцы заморят голодом, а то и выкинут из дома. Набор в дивизию имел вид добровольности, но, собственно, был фактически принудительный. В конце немцы окружали и силой забирали людей в дивизию.

Очень интересный разговор у меня был с крестьянами. На мой вопрос, а что слышно у вас в селе, был ответ: да ничего, пришли немцы и пошли в лес ловить добровольцев. (Это потому, что мужчины и молодые парни бежали в леса.)

Кроме того, немцы начали вести набор среди учащихся средних школ для вступления в армию, собственно набор для военной подготовки. Они обещали, что примут учеников, и они будут иметь возможность в Германии несколько лет ходить в школу, а затем перейдут на военную подготовку. Это вызвало трудности у родителей и учеников. Этот набор был якобы добровольным, но в действительности также принудительным. Выбирали особенно хорошо физически развитых ребят и грозили им, что если не согласятся, то их заберут на работы и одно спасение, это заявить о своем желании на переобучение. Немцы заявляли, что вообще всех мужчин и женщин заберут на работу в лагеря, а население очень хорошо знало, какие ужасные условия в этих трудовых лагерях в Германии.

Таким способом, под угрозой личной и угрозой репрессий против родителей, удалось им забрать часть учеников, которых вывезли в Германию.

Так как наступление Красной армии развивалось быстро, немцы были заняты другими делами и не довели своего намерения до конца, [Л.6] но им удалось все-таки забрать относительно небольшую часть учеников, а если бы было время, наверняка бы вывезли всех.

Затем началось отступление немецких полков. Шла очень сильная агитация, чтобы население г. Львова выехали в Германию. Были отдельные объявления с приглашением на выезд, давались отдельные поезда, распространяли слухи, что город Львов будет уничтожен, появились даже отдельные отделы, которые начали минировать отдельные объекты, но, несмотря на это, в основном население не выражало тенденций к выезду. Часть населения выехала, которая сотрудничала с немцами, а часть из страха перед наглой эвакуацией.

Жители Тарнополя, Бродов приезжали во Львов и рассказывали, что немцы приказывали, например, за нескольких часов оставить город, не давая ни транспорта, не давая ни возможности доехать. Люди брали все, что можно было взять в руки или на плечи, и так покидали город. Эти слухи вызвали большую панику, поэтому часть населения Львова выехала из страха перед уничтожением Львова и из страха перед бомбардировкой.

Немцы распространяли также слухи в прессе, что Красная армия мучает население. Но немцам не удалось уничтожить Львов. Они начали свое отступление, и наконец, после тревожных дней, пришла Красная армия.

Я никогда не собирался уезжать с немцами, но так как был малолетний, пятилетний сынок, хотел сэкономить ему внезапной эвакуации: идти он сам не мог, а нести его было тяжело, поэтому я послал его со старшим сыном в горы к своей теще, а сам оставался во Львове.

Несколько недель я не имел о детях никаких сведений, потому что в горах, то есть в окрестностях Сколе, были еще немцы. Когда немцы [Л.7] оттуда сбежали, я с большой тревогой выехал за своими детьми, получив из Академии Наук соответствующую справку. По дороге отношение красноармейцев ко мне было очень благосклонное. Они помогали мне своими машинами (на основании моей справки) добираться в Скольщину, на каждом шагу мне помогали, проявляли свое сочувствие, и так добрался я до своих детей. И снова при помощи военных вернулся с ними во Львов. Это благоприятное отношение красноармейцев я буду помнить всю жизнь.

Делами образования руководил отдел образования и науки при дистрикте. Во главе этого отдела стоял *Газелих*. Непосредственным инспектором этих школ был профессор Мак. Отдельные инспекторы имели профессиональные школы. Было две гимназии, народные и начальные школы, а также были ремесленные и торговые школы. Во Львове была одна учительская семинария, в Дрогобыче была гимназия, в Станиславове гимназия, в Тарнополе, в Коломне и Бучаче были учительские семинарии.

[подпись]

(М. Скорик)

[подпись]